

ПРИЗВАНИЕ ХУДОЖНИКА

ПРИЗВАНИЕ этого художника как бы предопределено судьбой. Георгий Попов родился в прекрасную пору одетых «в багрец и золото» лесов на Вологодчине — в селе Красное у слияния рек Сухоны и Толшмы. Места эти славятся своей живописной красотой, шумными, многолюдными праздниками, которые сопровождалась массовыми гуляньями, плясками под гармошку, частушками, песнями, играми.

Крестьяне здесь были мастеровитые: они строили большие деревянные дома, чаще всего двухэтажные с мезонинами, окнами на вольные просторы полей, лугов, рек. Всюду была распространена резьба по дереву, применявшаяся в карнизах домов, декоре крылец, в бытовом обиходе — на пряхках, трепалах, игрушках, ларцах, кроснах. Резьбой и росписью украшалась любая утилитарная вещь. Это та крестьянская среда, типичная для русского Севера, в которой художник начал формироваться как личность.

Однако шумная, многоголосая северная деревня к середине 50-х годов начала безлюдеть. Молодежь уходила в город. Праздники постепенно стали отмирать, крестьянское искусство все более приобретало музейный характер.

В ранней юности, когда художнику едва минуло шестнадцать, он покинул родную деревню. Работал на стройках, заводах, изъездил всю страну от Мурманска до Красноярского края, переменял много специальностей: арматурщик, бетонщик, библиотекарь, сотрудник газеты.

А призвание пришло не сразу. В начале шестидесятых годов Георгий Попов работал на одном из ленинградских заводов. В свободное время постоянно посещал музеи и выставки. Уже тогда он дал себе слово стать художником. Но необходимо было овладеть мастерством, научиться не только видеть прекрасное в музеях и на выставках, а и суметь его передать самому. За плечами юноши не было художественного образования, его не учили рисунку и живописи, но он с редкой целеустремленностью начал наверстывать упущенное.

Вначале ставил перед собой самые простые задачи: пара яблок на тумбочке заводского общежития, стеклянная банка с водой — все это отражалось в зеркале и создавало иллюзию множественности вещей. Изображая эти предметы на плоскости, он постигал тайны композиции, цветовой и пластической гармонии. Не менее важная задача для будущего художника — выбор своей позиции, своего отношения к опыту прошлых эпох. Как-то перед картиной Клода Моне «Луга в Живерни», которая экспонировалась в Государственном Эрмитаже, Г. Попов открыл для себя изумительное богатство красок, которыми был написан цветущий луг. К. Моне показал ему сложность цветовой структуры окружающего мира, но Попов не стал его подра-

жателем. Он выработал свой стиль, свой почерк, потому что обладал своим миропониманием, а врожденный дар представления и цепкая память диктовали сюжеты, им самим подсмотренные и пережитые.

Девиз художника — «рисую то, что люблю». Он означает искренность в выборе сюжета или темы. Свое отношение к миру прежде всего сказало в натюрмортах. Кринки, берестяные теса, медные тазы, консервные банки из-под зеленого горошка, плетеные корзины, эмалированные кастрюли, наполненные ягодами морозики, клубники, брусники, голубики, всевозможными грибами, тут же и ромашки, одуванчики и другие цветы — все это до отказа заполняет пространство холста, создавая здоровое ощущение изобилия и многоцветья («Щедрая земля», 1976). Поверхность натюрморта словно выткана мелкими, но неоднородными красочными мазками и световыми рефлексами, каждый из которых призван показать предмет в самой его идеальной и достоверной сущности, как будто он заново открыт художником. Вместе с тем это не сумма лежащих на поверхности холста вещей и плодов, а единое декоративно организованное живописное пространство, правда, ориентированное на плоскость, но всегда выдержанное в тональном и колористическом единстве, рождающее ощущение целостности сложно сочиненного организма.

В лучших натюрмортах подобного плана художник сохраняет тонкое ощущение природной гармонии. Композиция всегда тщательно продумывается. Изображая на переднем плане сочные плоды и ягоды, художник находит этим цветочным пятнам отзвуки в окружающем пейзаже, помещая его часто наверху как своеобразный аккомпанемент. Таким образом, натюрморт перерастает рамки узкого жанра, становясь частью природы как таковой.

Интересны и пейзажи, которые, кстати, появились в творчестве художника почти одновременно с натюрмортами. Художника привлекает в природе эпическая целостность реального деревенского мотива, трактованного не как этюд с натуры, а как ландшафтная картина, вбирающая в себя максимальную пространственную протяженность. Почти во всех пейзажах мы видим открытые, стелющиеся на сотни километров дали, как бы просматривающиеся с высоты птичьего полета, постепенно сокращающиеся к горизонту поля, леса, реки, дома... В выборе мотива пейзажа автор руководствуется конкретными наблюдениями. С этой целью он постоянно делает карандашные зарисовки с натуры, точно фиксируя характер местности, деревьев, кустарника, трав и цветов. Творчески осваивая натуру, художник добивается такой ее точности, какая встречается только в народном искусстве.

В середине 60-х годов Попова привлекали былинные образы доброго молодца, встречающегося с любимой девушкой у колодца, или

вым тоннам или 120 пудам. Отсюда и ластовый экипаж, назначавшийся для портовой службы. Его обычно комплектовали необученными и неспособными для строевой службы людьми.

«Положение о маяках» 1843 года предусматривало, чтобы «некоторые маяки Белого моря по отдаленности их от городов и находящиеся на голых утесах или на островах, никем не обитаемых, не стали всегдашим уделом жизни одних и тех же людей», служители должны были перемещаться через три, смотрители через четыре года. Однако вскоре стали оставлять по желанию сверх установленного срока, так как это вело к более квалифицированному содержанию маяков. С 1860 года разрешалось принимать служителями маяков вольнонаемных. Рекомендовалось это делать из отставных штурманских офицеров, боцманов, матросов, однако на деле чаще принимали местных жителей. Вскоре служителями разрешили быть и членам семьи, в том числе и женщинам. Толчком к этому послужила крайняя теснота в жилых помещениях. Но мера эта оказалась полезной: личный состав стабилизировался, маячная служба улучшилась. Появились маячные долгожители.

Беломорские маяки не только обеспечивали безопасность плавания. Они в прошлом веке стали своеобразными научными и культурными форпостами на русском Севере. Со дня их возникновения на них велись гидрометеорологические наблюдения, опыт которых использовался позже при создании гидрометеорологической сети страны и полярных станций. На маяках обычно имелись неплохие библиотеки. Как свидетельствует живший на Жужумуйском маяке П. И. Башмаков, наряду с книгами русских и иностранных классиков и маринистов там были «История государства Российского» Н. Карамзина, «Год на Севере» С. Максимова, «О наших перелетных птицах» Кайгородова, «Ручной труд» Графини, «Берегите легкие» Нимейера, «Детские игры» и «Друг детства» Покровского. Кроме того, поступало большое количество периодики, особенно журналов. Смотрителям вменялось в обязанность обучать неграмотных служителей и детей грамоте, письму, счету.

Под непосредственным руководством дирекции беломорских маяков осуществлялась и спасательная служба в северных морях. Она возникла ввиду большой аварийности парусных судов. Только с 1862 по 1869 год в Белом море погибло 144 судна и с ними 199 человек. Сначала в наиболее опасных для мореплавания местах стали создавать избыприюты. После образования в 1872 году «Архангельского окружного правления общества при кораблекрушениях», председателем которого был директор беломорских маяков, стали создаваться спасательные станции Мудьюгская, Троицкая, Летне-Орловская, Но-

воземельская, в устьях Северной Двины и Мезени и другие. С 1873 по 1917 год только в Белом море и Северной Двине они спасли 519 человек.

В начале нашего века спасательные станции одна за другой стали закрываться ввиду сокращения аварий судов. К этому времени парусники почти полностью прекратили свое существование. Их вытеснили более надежные пароходы. Главное же, беломорские маяки сделали свое дело. Выросло их число и надежность ограждения навигационных опасностей, а также точность морских карт. Совершеннее стали и сами маяки: все они перешли на керосиновое, а затем и электрическое освещение. С появлением ацетиленовой аппаратуры появилось много автоматических светящих знаков.

Вместе с тем, хотя общее число маячных огней к 1908 году составляло на берегах Белого моря и Кольского полуострова 22 и туманных предостерегательных станций 5, для возросшего мореплавания этого было недостаточно. Поэтому каждый предприниматель пытался хоть как-то обеспечить безопасность своих судов. Так, лесопильные заводы в Сорке построили маячную башню на острове Осинке, осветили ее судовым штаговым фонарем и обслуживали своими силами. Товарищество Кемских лесопильных заводов держало четыре пары светящих створов, лесопильный завод в Умбе — свой створ. Архангельско-Мурманское срочное пароходство зажигало огни на Терском берегу ко времени прихода его судов. Но уже был близок советский период, когда могучий государственный сектор направил развитие маячного дела по одному руслу. Дирекция маяков и лоции Белого моря в июле 1920 года была преобразована в Управление по обеспечению безопасности кораблевождения на северных морях, сокращенно Убекосевер.

Мне доводилось видеть маяки во многих морях — в ласковых южных и в суровых северных. Иногда это целые фермы с садом, огородом, пастбищами и даже собственным пляжем, на котором, впрочем, маячникам отдыхать все равно не приходится, какие бы ласковые воды его ни омывали, — некогда. Иногда крохотный маячный дворик скорее напоминает тюремный: кругом голые скалы и море, земли даже нет. Но тяжелее, когда поблизости нет людей. Бывает, что ежедневно с маяка видны огни недалекого города, а встречаться с людьми не приходится месяцами. У каждого маяка свои трудности...

! Но самые трудные для жизни и работы, несомненно, арктические маяки. Все они появились уже в советское время. Бывая на них, я всегда замечал, как много они переняли от беломорских маяков. Не только в техническом и бытовом оснащении, а во всем размеренном, продуманно-традиционном укладе жизни. Нет, все-таки не от Александрийского Фароса и Родосского колосса пошли наши маяки!